

ВАША КАРТА БИТА!

Дмитрий Хворостовский в мировой прессе

Благодаря изменившемуся отношению всего мира к нашей родине в целом, а также принципиально новому подходу со стороны России к вопросу культурных связей, "Радио России" два года назад получило возможность ежемесячно давать в эфир, на радость любителям музыки, спектакли нью-йоркского театра "Метрополитен-опера", или коротко "Мет". Этот самый престижный в мире оперный театр не знает материальных проблем и не ограничивает себя в выборе исполнителей. В про-

шедшем сезоне россияне могли слышать роскошные фонограммы опер Верди "Отелло", Вагнера "Парсифаль", Дворжака "Русалка", Моцарта "Идоменей", оперетты Штрауса "Летучая мышь" и другие шедевры.

Нынешний сезон "Мет" был открыт постановкой бессмертной "Пиковой дамы". Как мощный магнит, необыкновенный ступок энергии, притягивает к себе музыкантов это загадочное произведение П. И. Чайковского вот уже более сотни лет...

Созданная скорее не на сюжет, а по мотивам повести А. С. Пушкина, "Пиковая дама" стала первой экспрессионистической оперой, явившейся на русской почве, с бурными нечеловеческими страстями и трагической развязкой. И на вопрос "кто виноват?" эта опера дает ответ: судьба, рок, фатум. Азарт игры, азарт любви, магнетизм страха и гибельных предчувствий владеет всеми главными героями оперы — Германном, Лизой, старой графиней. Удержаться от вступления в этот хоровод роковых страстей, остаться вне его удается только одному — князю Елецкому. Удивительно точно и глубоко раскрыл всю музыкальную ткань оперы в этой постановке главный дирижер Мариинского театра Валерий Гергиев. Множество подводных течений — лейтмотивов, тембровых и тональных красок, перекликающихся интонаций — объединяет эту оперу в единый симфонический поток. Ключевой музыкальной идеей Гергиев вывел идею "протянутых" звуков и "говорящих" пауз. Начиная с обреченно печального "фа-диез" в первых тактах интродукции и кончая умиротворенным "ре-бемоль" в заключительных тактах оперы, звуки эти несут различную смысловую нагрузку как в вокальных партиях, так и в оркестровых голосах. И

чего стоит одна только такая пауза в диалоге Германна с Томским (которой, впрочем, нет у Чайковского). "Тогда останется одно", — поет Германн. "Что?" — спрашивает Томский беспечно. И тут наступает та самая страшная "минута молчания" и долгое "ми" вместе с ответом: "Умереть..."

Как и музыкальный руководитель, свой великолепный вклад в постановку внесли российские звезды вокала: Гегам Григорян — Германн, Мария Гулегина — Лиза, Дмитрий Хворостовский — князь Елецкий, Николай Путилин — Томский. Все они выступили как единомышленники Валерия Гергиева в его свежем прочтении партитуры Чайковского.

В их ансамбль прекрасно влилась исполнительница роли старой графини 70-летняя Леония Ризанек (Австрия). Ее акцент не вызывал раздражения, так как "Венера московская" по большей части обреталась в Париже, и вполне вероятно, что "она порусски плохо знала". Чувствовалось, как в зале у публики буквально холодели спины, когда графиня с таким жутким натурализмом пела свое прощание с жизнью: "Je crains de lui parler la nuit", — это та музыка, которую вся Россия знает по передаче "Что? Где? Когда?". Жаль только, что, в общем-то, знание и ограни-

чивается лишь двумя фрагментами оперы. И даже наши знаменитые "знатоки", как выяснилось, знают из последней арии Германна лишь первую фразу: "Что наша жизнь? Игра!" — а далее не сподобились.

Из числа исполнителей хотелось бы подробнее остановиться на фигуре Дмитрия Хворостовского. И не только потому, что он "наш", а потому, что в музыкальных кругах уже разнесся ласкающий ухо и небезосновательный слух, что, не будь Хворостовского — Елецкого, не состоялось бы и новое режиссерское решение спектакля. "Мет" — такой театр, который не станет тиражировать хрестоматийные постановки. Режиссерская концепция данного спектакля поднимает роль князя Елецкого до уровня карающего Провидения. На это ему дают право его непоколебимая всепонимающая любовь к Лизе, его гармоничное мироощущение и ужас от того, что не смог вырвать ее из inferнального заколдованного круга. Такой взгляд на роль Елецкого — принципиально новый в истории постановок "Пиковой дамы". До этого было принято изображать его как персонаж второго плана: в меру любящий, холодноватый, играющий в карты с Германном, "чтоб отомстить", и нужный только для того, чтоб спеть в

третьей картине свою красивую арию "Я вас люблю...". И теперь диву даешься: действительно, как же так получилось, что до Гергиева и Хворостовского никто не услышал и не понял, что партия Елецкого, неторопливо текущая в своем индивидуальном темпе, практически противопоставлена всему прочему музыкальному материалу. Она сложена целиком из фраз очень стройных, закругленных, "куполоподобных", требующих от певца беспредельного дыхания, такого, как ни у кого из персонажей. Что же теперь "запоют" наши лихие критики, которые не так давно писали о Дмитрии в следующих выражениях: "...положение Хворостовского представляется сегодня неустойчивым и

драматичным" ("АиФ", № 38, 1994 г.), "...он оказался перед закрытыми дверями крупнейших театров, которые не желают приглашать его... Недоученность, порой неправильный выбор репертуара не позволяют ему выглядеть на сцене настоящим художником" ("Огонек", № 20, 1995 г.). Славно порезвились ребята. Но теперь, послушав "Пиковую даму", глядишь, передумают. Туз-то оказался не в их руках. Их карта бита.

Эльвира ВАНЮКОВА,
музыковед.

НА СНИМКЕ: народный артист России Дмитрий Хворостовский (партия Елецкого в "Пиковой даме").

Фото из архива "Красноярского рабочего".

